

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

ЧЕМОДАН

«Дим, а ты к дембелю готовишься»? – Спросил Огурцова Мишка Рыжков, продолжая натирать бляху ремня пастой Гойя.

«А чего там готовиться»? – Димка пожал плечами в недоумении.

«Ну не скажи! Чемодан надо собирать. У тебя чемодан то есть?»

«Есть, вроде».

«Вроде. Ты смотри Огурец без чемодана ты не дембель». – Сказал со знанием дела Рыжков и, отодвинув на расстояние вытянутой руки бляху, воскликнул: «А теперь, хорош»!

Мишка вышел из каптерки, оставив Димку размышлять о дембеле в целом и о чемодане в частности. У Огурцова в каптерке давно валялся чей-то чемодан. Старомодный, фанерный, обитый дерматином, с металлическими углами. То ли этот чемодан служил когда-то полевой ленкомнатой, то ли его оставил здесь давным-давно какой-то дембель. Неизвестно. Так или иначе чемодан был никем не востребован и уже накопил на своих боках достаточно пыли, чтобы считать его ничейным. Однажды, чемодан попался на глаза Андрею Вильшонкову.

«Дим, отдашь мне чемодан? Он вроде ничей». – Спросил Вилли, постучав сапогом по фанерному брюху чемодана.

«Забирай!» – легко предложил Димка, явно не подумав хорошенько.

«Ёлки, я же его Вильшонкову отдал», - пожалел после разговора с Рыжковым Димка о чемодане.

«Первая рота строиться перед казармой!» – прокричал дневальный зычным голосом, и бойцы начали выползать кто, откуда, на построение.

Последними выходили сержанты. Димка, встав в строй, обернулся к Вилли.

«Вилли, сори, я чемодан тебе не отдам».

«Чего, Дим?»

«Чемодан, мне самому нужен».

«Ладно» - Вилли кивнул головой в знак согласия.

Огурцов уже мысленно начал складывать в вернувшийся чемодан вещи, приготовленные на дембель.

Несколько книжек, пластинка Whitesnake и...

«Что-то надо еще, наверное»? – спросил сам у себя Димка.

«Чего на дембель будешь везти»? – как будто читая Димкины мысли, спросил Рыжков, стоящий рядом в строю.

«А что надо везти?»

«Спортивный костюм «ADIDAS», плед и коробку конфет с ликером». – Отчеканил, словно заученный заранее текст, Мишка и хитро улыбнулся.

«А плед то зачем»? – Спросил Огурцов.

«Плед для мамы». – Ответил Рыжков и всхлипнул.

На построении объявили, что на следующий день команда в составе 10 бойцов выезжает на работу к немцам. Старшими едут сержанты Огурцов и Ломего под общим руководством лейтенанта Глушко.

После отбоя собрались в каптерке зампотеха на картофан. Ели жареную картошку, пили чай, играли в карты. Старослужащие, конечно! Молодежь спала по кубрикам.

«Куда завтра едем? Кто знает, а»? – Спросил Огурцов у присутствующих «дедов».

«На бурюгольный. В Гайзелталь. А ты думаешь, чего я поехал!» – Ответил Игорь Ломего и пошел с туза.

«Ты чего тузами ходишь, Лом? Тузов много»? – Воскликнул хозяин каптерки Ваня Левшиц и забрал туза.

«Тузов хватает. А вот мебели хорошей нет, поэтому и еду». – Вытащив из колоды очередного туза, ответил Ломего.

«Мебели»?

«Ты чего Игорек? Какой мебели»?

Ребята искренне недоумевали.

«Я на днях в третьей роте был у Петрова. Там такой стол, обалдеть. А у меня стоит парта из ленкомнаты». – Пустился в разъяснения Ломего: «И даже кресла нет».

«Хочешь на свалку заехать, прибарахлиться»? – Спросил, молчавший до этого Малашин.

«Точно. Я Гриню Глушко попросил меня в команду взять, а то когда в следующий раз будет такая возможность». – Ответил Лом, бросая последнюю карту: «Все – я вышел».

Малашин, явно удрученный веером карт в обеих руках, воскликнул: «В следующий раз! Такая возможность»!

И продолжил: «Тебе через месяц, ну может через два на дембель! Какая мебель, Лом»?

Игорь Ломега, встал со стула, прошелся по каптерке взад и вперед, потянулся, достав ладонями до потолка и, ответил: «Я хочу после себя память хорошую оставить».

«Всё мужики, хорош, в философию лезть. А то вон Лом уже о памяти после себя заговорил». – воскликнул Димка Огурцов и тоже вскочил со стула: «Давай закругляться! Завтра рано вставать»!

В пять утра назначенная команда бойцов топталась на площадке перед КПП понтонеров. Бойцы стояли кучкой, над которой клубился табачный дымок. Было морозно, несмотря на то, что солнце уже поднималось и красноватыми лучами согревало макушки бойцов. Через КПП пробежал лейтенант Глушко и воскликнул: «Немцы подъезжают. Сейчас будет автобус»!

Действительно, через пару минут на площадку перед воротами части зарулил большой гражданский автобус. Бойцы расселись по всему салону. Глушко пересчитал солдат и плюхнулся на сидение рядом с водителем. Огурцов и Ломега разместились в корме.

«А обратно за нами «Урал» приедет, я договорился», - сказал Игорь, зевая, словно зная, о чем именно Димка хочет его спросить.

«Да я понял уже». – Димка прислонился лбом к стеклу и стал смотреть на пролетающий за окном город.

Автобус ехал по извилистым городским улицам, звонко чем-то, гремя на брусчатке. Через некоторое время выехали на загородное шоссе. Вдоль дороги небольшие перелески и участки густого настоящего леса. Потом вдруг открывалось поле, за полем деревушка с кирхе. Потом снова лес и перелески. А вот и Гайзелталь – буроугольный комбинат.

Перед конторой комбината поджидал пожилой немец.

Бойцы неспешно вывалились из автобуса, тут же закурили, разбрелись в разные стороны. Глушко с сержантами подошли к немцу.

«Гутен морген»!

«Гутен морген»!

Немец кое-как говорил по-русски, позвал всех за собой на территорию завода.

Огурцов построил бойцов. Пошли за немцем.

Шли какими-то закоулками, позади главного корпуса и наконец, вышли к месту работы.

«Здесь убирать сажа в тачка и бросать бункер». – Начал ставить задачу немец, сопровождая речь активной жестикуляцией.

«Вы понимает»? – спросил немец, прикрывая нос и рот кепкой от сажи, которая буквально висела в воздухе.

«Понимает, понимает! Ничего не понимает»! – воскликнул один из бойцов, Круглов, кажется, и спросил: «Чего ему надо-то»?

«Чего надо? Надо, чтобы ты лопатой сажу в тачку грузил и в яму сваливал. Чего тут понимать-то»! – Рассердился Ломего и начал расстегивать хэбэшку: «Давай, хватай лопаты и тачки! За работу».

«Ja, ja, arbeiten»! – немец, убедившись, что его поняли, вернул кепку на голову, потер руки и пошел по своим делам.

Из главного корпуса завода наружу выходила длинная транспортерная лента, по которой на склад двигались угольные брикеты. Пока брикеты ехали по ленте, они здорово тряслись и под лентой накапливались горы угольной черной сажи, которая мешала движению ленты. Сажу надо было убрать и отвезти в специальный бункер под навесом склада. Работа не хитрая, как раз для русских солдат.

Бойцы разделились «на лопаты и тачки». Покидали на землю верхнюю одежду, заткнули пилотки за ремни.

Работа закипела.

Лейтенант Глушко, убедившись, что вопросов нет, принялся расхаживать вдоль транспортной ленты от главного корпуса до склада.

Как только стали ворошить сажу, она поднялась дымом в воздухе. В метре – ничего не видно!

Сажу грузить лопатами трудно – она разлеталась по сторонам, взлетала вверх, клубилась, как пыль. Но еще труднее довести полную сажей тачку до бункера. По пути сажа разлеталась, как пух. Со стороны рабочее место у транспортной ленты представляло собой сплошное черное облако, разрезаемое, сверкающими под пробивающимися с неба солнечными лучами, лопатами.

«Сергеев в бункер свалился, товарищ сержант! Сергеев свалился!» – закричал Круглов, выбегая из черноты навеса.

Ломего отбросил лопату и бросился вместе с остальными к бункеру.

«Как упал? Вы чего черти! Смотреть надо!» – завопил Димка Огурцов из-под транспортной ленты.

Огурцов с трудом выбрался из сажевой кучи и побежал к навесу.

Разглядеть что-либо внутри было не возможно. Сплошной сажевый туман. «Ни черта не видно! Кто здесь есть? Ко мне все!» – Скомандовал лейтенант Глушко, вдруг оказавшись рядом.

«А где бункер?» – Спросил у бойцов, стоящих рядом Димка Огурцов.

«Да вот, прямо тут». – Показал куда-то в черноту внизу один из бойцов.

Под навесом было темно, как ночью. Куда сыпать сажу? В какой такой бункер, которого и не видно совсем, не понятно! Да и как тут не упасть!

Глушко приказал всем выйти из-под навеса и построиться.

Начал перекличку.

Круглов! Я!

Тимошенко! Я!

Цяпа! Я!

Долгалев! Я!

Лазовский! Я!

Федоров! Я!

Козлов! Я!

Огурцов, Ломего – понятно.

Сергеев! Я!

«Все на месте! Так кто провалился?» – спросил Глушко.

«Кто провалился, Круглов? Чего молчишь?» – поднял кулак Игорь Ломего.

«Показалось, товарищ сержант! Темень такая!» – оправдывался Круглов.

«А ты чего Сергеев, мог бы хоть голос подать!» – Огурцов набросился на Сергеева.

«Да я не понял, что меня ищут» - Сказал Сергеев, сбрасывая с волос толстый слой сажки.

«Можно подумать здесь еще Сергеев есть». – Распаялся Огурцов все больше.

«Кто знает», - промямлил ели слышно Сергеев, но Димка услышал: «Ты мне поговори еще, слоняра».

«Всё, закончили разборки! По местам! Сергеев, стоишь у края бункера и следишь, чтобы никто не провалился!» – скомандовал Глушко.

«Так точно»!

Все разошлись по своим «лопатам и тачкам». Черные как шахтеры, с белыми на фоне сажки белками глаз и блестящими бляхами на ремнях.

Димка опять залез под ленту, начал с необъяснимым упорством выгребать оттуда сажу и кидать на тачку, бормоча себе под нос: «Вот ведь Сергеев, нашел себе теплое местечко, слоняра».

«Полная! Вези»!

«А будет второй завтрак, товарищ сержант?» – спросил рядовой Цяпа, схватившись за тачку.

«Ты и за первый то не отработал!» – ответил Димка, сплевывая сажевую слюну под ноги: «Будет тебе второй завтрак. У немцев всё четко. В 11-00 позовут».

И впрямь ровно в 11-00 прибежал тот же пожилой немец, что задачу ставил и, встав у края сажевого облака, закричал: «Essen! Gehen Sie»!

«А ты переживал, Цяпа»!

Сопровождаемые шлейфом сажевого облака солдаты прошли в бытовку. Сели за стол. На столе стояло большое блюдо с бутербродами и чашки с чаем.

Глушко тоже перекусил, встал.

Встали все.

Побрели к выходу из бытовки.

Заметили с внутренней стороны двери плакат.

На плакате два мужика в цепях и в обнимку.

Застыли.

Изучали.

Немец, который все время второго завтрака сидел в кресле у окна, вскочил, увидев, что солдаты столпились у выхода.

«Чего пишут»? – спросил Ломего.

«Какая-то «го-мо-сек-суал дис-ко-те-ка»», - прочитал по слогам Огурцов.

«А это чего такое»? – интересовался Лом.

«Хрен его знает!» – ответил Димка и, глядя на Глушко, повторил вопрос: «Не знаете, что это значит, товарищ лейтенант?»

Глушко пожал плечами и скомандовал: «На выход»!

Немец хотел что-то объяснить. Начал было, но понял, что ему не хватает русских слов, а по-немецки его не поймут. Он только слащаво улыбнулся и подмигнул влажным глазом.

«Чего-то задумал, фриц!» – сказал Ломего.

«Точно, непотребство какое-нибудь!» – сказал Огурцов.

Бойцы вышли на улицу и поплелись к рабочим местам.

Через час работа была закончена.

Появился из цеха рабочий в противогазе и стал крутить гайки, смазывать ролики. Что-то промычал через хобот противогаза и скрылся опять в цеху.

Лента, полностью освобожденная от сажи, затряслась, заскрипела и медленно поехала. Скоро на ленте показались брикеты, коричневые и масляные на вид.

Черные как черти, солдаты бросились на такой же черный газон и растянулись, кто как. Снова пришел пожилой немец, бегал вдоль транспортной ленты, залезал по всем углам, охал и ахал, как это так быстро управились.

До обеда оставался еще как минимум час времени.

Немец подошел к лейтенанту и что-то начал ему говорить. Но не слышно и не понятно.

После разговора с немцем Глушко обратился к бойцам: «Нам предлагают сделать еще одну работу. За это обещали ящик молока и ящик пива. Ну и обед, натюрлих! Согласны?»

«Йа, йа, товарищ лейтенант! Согласны!» – ответил за всех Огурцов, окинув взглядом распластавшихся на газоне бойцов.

Пришел другой немец – долговязый в очках. Инженер, судя по виду. Повел в цех, где на рельсах стоял железнодорожный состав. Рядом с составом в полу – бункер.

«Смотри, Сергеев твой любимый бункер!» – воскликнул Димка.

«Это другой, товарищ сержант», - промычал Сергеев.

«А ты не умничай, Сергеев. Смотри в этот не свались!»

Инженер, то и дело поправляя очки, громко по-немецки поставил задачу, обращаясь в основном к Глушко, который, как мог переводил остальным: «Короче так! Надо перекидать из вагона какую-то хрень в виде порошка в бункер».

«Делов-то»! – сказал Лом и первым полез в вагон.

В вагоне по самую крышу навалены мешки с порошком.

Ломего хватанул штыком лопаты по мешку, схватил лопатой посыпавшийся порошок и бросил вниз в бункер.

В этот момент, инженер достал из кармана респиратор, одел его и полез в вагон. Остановил Игоря. Показал, как открыть мешок, аккуратно потянув за конец бечевки с края. Высыпать содержимое на пол и уже с пола брать лопатой. Показал куда класть пустые мешки.

«Klar»!

«Да понял, я»

Бойцы поделились на группы.

Одни вскрывали мешки и высыпали на пол вагона голубоватый порошок, отчего образовалась большая куча, которую ели успевали перекидывать бойцы из другой группы.

Глушко не удержался, скинул китель и тоже полез в вагон.

Работа спорилась. Через полчаса в вагоне осталось только несколько мешков, а в бункере, что-то подозрительно зашипело, забурлило и обжигающие брызги стали резко и высоко выстреливать наружу.

Появился инженер. Замахал руками, мол «кончай работу!»

Потом отлично пообедали в рабочей столовой и сидели на газоне перед заводской конторой, пили, кто пиво, а кто молоко.

Немец не наврал, насчет пива! Вдобавок и сигарет раздал! Ждали «Урал» из полка.

Приехал «Урал». За рулем Криванчик: «А мне пива оставили?»

«Оставили, не бойсь»!

Поехали в полк. Уставшие. Черные как негры! Сытые! Кто с пивом, кто с молоком!

Ломего стукнул в кабину: «Не забудь про свалку»!

Грузовик остановился у края глубокого котлована. Бойцы вылезли из кузова и тут же уселись на обрыве.

Внизу – свалка.

С футбольное поле котлован, по дну которого ползли словно тараканы, блестящие на солнце бульдозеры.

«Товарищ лейтенант, я с бойцами сгоняю, а»? – обратился к Глушко Игорь.

«Договорились, же! Давай! Только быстро»!

Пошли все.

Почти бегом спустились по крутой, узкой, извилистой тропке на самое дно котлована.

На дне настоящий Клондайк. Чего там только не было. Кучи всякого немецкого добра. Кровати, диваны, кресла, стулья, столы. Одежда, подушки, пледы. Все отдельными кучами, целыми горами. Отдельно холодильники и телевизоры, детали машин, какие-то залежи железок, бочек, велосипедов.

Бойцы, как альпинисты преодолевали вершину за вершиной, что-то отламывая, отчего-то отковыривая, подбирая, как вороны яркое и блестящее.

Ломега нашел себе стол – массивный, с львиными лапами на ножках, обитый зеленым сукном.

«Такого точно ни у кого нет»! – Довольный находкой воскликнул Игорь и вцепился в стол руками: «Схватили мужики! Понесли».

А Огурцов все лазил по мусорным кучам, что-то искал, наверное.

Обернулся на своих. Бойцы тащили стол по узкой и крутой тропке вверх к «Уралу». Глушко стоял у машины и болел за солдат: «Не сорвались бы»!

«Димка! Огурец! Ну, ты чего там! Поехали»! – эхом прокатилось над котлованом и отозвалось в каждой пустой бочке.

«Сейчас! Иду»!

Димка уже собирался обратно и вдруг за грудой старых ржавых велосипедных рам увидел гору чемоданов.

Чемоданы – кожаные, синие, коричневые, красные и даже желтые.

С ремнями и замками, с металлическими углами и на молнии.

На любой вкус.

Димка выбрал подходящий и побежал к машине.

***

Перед вечерней проверкой Огурцов затащил Вилли в каптерку.

«Держи, Андрюха, чемодан»!

Мерзбург, 1989 год

© Dmitry Maslov